

Во второй половине Дня Откровения погода переменилась, придя на помощь выбивающимся из сил властям. На главный улей обрушились грозовые ливни, вспенив темно-серые небеса и превратив улицы верхних уровней в залитые водой зеркала.

Дождь лупил по каждой крыше и водостоку, по крытым переходам и башням. Он затопил все сточные желоба и сливные решетки, из-за чего вода хлынула обратно из ливнеотводных каналов. Дождь падал на верхний улей и на нижний, и его пелена застила открытые пространства, даже Марсово поле и Кузнечный парк. Это было похоже на выражение горести, обрушившейся в этот день на Орест, как заметил один из магосов.

Сила и продолжительность ливня остановили и разогнали многие манифестации. Толпы на храмовых площадях рассосались — люди расходились или искали укрытия среди колоннад и в других крытых местах. Вода успокоила их рвение. Дождь погасил огонь в уличных бочках и загнал протестантов и мятежников под крыши и в нижние уровни улья. Войскам СПО и Магистратума, одетым в дождевики, удалось очистить многие кварталы и восстановить общественный порядок — по крайней мере временно.

Грозы не предсказывало ни одно метеорологическое сканирование, ни одно наблюдение за климатом. День ожидался ясным и солнечным. Дождь застал врасплох продвинутые комплексные климатографические системы улья. Когда адепты и магосы Метеорологии сумели оторваться от горячих споров над Откровением достаточно надолго, то пришли к выводу, что несезонные ливневые грозы стали следствием причудливой атмосферной физики и химии, вызванной каким-то неведомым феноменом — к примеру, пыльной бурей в Астроблеме прошлой ночью или конденсацией сажи и частиц нефтехимического дыма, скопившегося над зоной боевых действий.

Они оказались правы насчет природы ливневых гроз, но ошиблись в их причине.

Ливень барабанил по площади у северо-западного входа в Кузницу.

— Ждите меня здесь, — велел Зонне четырем своим спутникам.

Он накинул на голову куртку и выскочил под сыплющийся из затянутого тучами неба дождь, виляя меж кипящих луж, усеявших площадь.

Добравшись до огромного портика входа, он успел вымокнуть до нитки. Войдя под крышу, Зонне стряхнул куртку и вытер лицо. Путь ему преградил скитарий. Зонне махнул своей биометрикой.

<Доступ запрещен!> — выдал инфоговоркой воин.

— Прочитай еще раз, — велел Зонне. — Я фамулюс экзекутора-фециала Инвикты. Прошу аудиенции с адептом сеньорус.

<Этот видит, кто ты, — отозвался скитарий сжатым потоком кода. — Доступ запрещен>.

Скитарий был крупным, на полторы головы выше Зонне. Оружейная конечность его была активирована, и он держал ее наготове. Экзотические доспехи демонстрировали элементы расцветки и отделки, в которых Зонне распознал принадлежность скитария к Легио Темпестус Ореста.

— Ты, по-моему, не понял... — начал Зонне.

<Ты не способен инкантировать мою директиву, фамулюс экзекутора-фециала Инвикты? — ответил воин. — Проход закрыт для всех посторонних>.

— А в Аналитику? Пропусти меня в Аналитику. К адепту Файсту или магосу Игану. Дело касается войны, солдат. Ты препятствуешь легио в защите Кузницы.

<Проход закрыт для всех посторонних>.

Зонне вздохнул и попытался разыграть свой последний козырь:

— Как ты обозначаешься, скитарий? Мне нужно твое имя. Энхорт и старшие магосы узнают о твоём проступке.

<Я обозначаюсь Колоба-111010:1101-альфа-штрих-приставка-1101>.

— Принято к сведению, — бросил Зонне, понимая уже, что козырь его бит. Он снова накрыл мокрой курткой голову и бросился обратно сквозь дождь к своим спутникам, которые ждали под укрытием роккритового перехода.

— Облом.

<Эта боевая единица бросила вызов вашему авторитету, фамулюс? — спросил Карш. — Позвольте мне убить его за вас>.

— Не спеши, солдат, — ответил Зонне массивному скитарии Инвикты, в которого Крузий загрузил программу старшего телохранителя.

<Но это проявление неуважения к вам, фамулюс!> — пророкотал кодом Карш. Прицельные огни на его модифицированном оружии мигнули, встроенные зарядатели защелкали.

— Да, так и есть, — признал Зонне.

Двое подчиненных Карша — Люкс-88 и Тефлар — в унисон угрожающе защелкали своими зарядателями.

— Хватит! — велел им Зонне. — Успокойтесь!

Трое скитариев утихли. Капли дождя стекали по их огромным наплечникам и мочили поникшие плюмажи перьев. Зонне глянул на своего четвертого спутника — изящного сервитора связи Облигану.

— Фамулюс? — прозвучало из ее аугмиттеров.

— Я думаю.

— Вы посмотрели на меня. Желаете наладить связь?

— С кем, Облигана?

— Перечисляю варианты: вокс-система, ноосфера, исполнитель Крузий.

— Ты можешь соединить меня хоть с одним из перечисленного?

Облигана на минуту погрузилась в свои буферы, обтирая механодендритом капли дождя с высокого белого лба.

До Зонне донеслось тихое трепетание инфокода.

— Нет, фамулюс, я не могу ничего из перечисленного.

— Тогда зачем ты меня спрашивала?

— Я пыталась услужить, фамулюс, — ответил сервитор.

Зонне улыбнулся:

— Благодарю, Облигана. Мы все сейчас в несколько затруднительном положении.

Он понимал, что вообще не надо было покидать Аналитику. Когда распространились данные, системы связи оказались целиком забыты. Зонне увел свой эскорт скитариев и языкового сервитора из Кузницы в надежде получить приличный ноосферный сигнал на Марсовом поле. Ему это удалось, и он обстоятельно поговорил с Крузием. Это было несколько часов назад. А

теперь он не мог ни связаться с кем-нибудь, ни вернуться обратно в Кузницу.

Блокирование сигнала можно было объяснить грозowymi помехами и царящим кризисом. Но ничто, кроме самых тревожных догадок Зонне, не могло объяснить перекрытый вход.

<Мы можем пробиться внутрь при помощи оружия, фамулюс>, — предложил Люкс-88.

<Согласен, — прокантировал Тефлар. — Мы можем пробиться внутрь и сжечь препятствующих скитариев Темпестуса. Мы можем бить и стрелять...>

<Я заберу с собой многих, фамулюс>, — похвастался Карш.

— В этом я не сомневаюсь, Карш, — ответил Зонне. — Посчитай мне тактику. Насколько далеко ты пройдешь?

Карш принялся за вычисления. В его глазах пульсировала горячая желтая злоба.

<От восемь точка шесть до восемь точка девять метров после входа. До нашего уничтожения мы заберем с собой от двенадцати до семнадцати скитариев Темпестуса>.

Зонне вздохнул:

— Пять баллов за попытку, парни, но не думаете ли вы, что я хочу пройти от восемь точка шесть до восемь точка девять метров после входа?

<Вы, вероятно, хотите пройти дальше>, — выдал инфоговоркой Люкс-88.

— Верно. До самой Аналитики или в канцелярию адепта сеньорус. Насколько это далеко?

<Аналитика: девятьсот четыре точка шесть метра>, — сообщил Люкс-88.

— Верно. До самой Аналитики или в канцелярию адепта сеньорус. Насколько это далеко?

<Аналитика: девятьсот четыре точка шесть метра>, — сообщил Люкс-88.

<Канцелярия сеньорус: тысяча пятьсот шестьдесят девять точка два метра>, — добавил Тефлар.

— Понимаете, о чем я? Ни туда, ни туда мы малость не доходим. Но спасибо за проявленную храбрость.

<У меня есть автоматический гранатомет!> — гордо заявил Тефлар.

— Отлично. Насколько это повлияет на результаты, Карш?

<Вычисления: мы пройдем от пятнадцать точка пять до семнадцать точка три метра после входа. Мы заберем с собой от пятидесяти до пятидесяти пяти скитариев Темпестуса до нашего уничтожения>.

— Так, давайте округлим. Уже лучше, но все равно мало. Согласны?

Три скитария недовольно пробурчали подтверждение.

Послышались раскаты грома. Дождь усиливался. Все пятеро сгрудились теснее под укрытием роккритового перехода. Зонне, прислонившись спиной к мокрой опоре, наблюдал, как собирающаяся дождевая вода барабанит с крыши перехода по плитам. Капли словно отбивали ритм.

Кап, кап, кап...

— Облигана?

— Да, фамулюс?

— Каков уровень гаптики?

— Фамулюс?

— Гаптики, Облигана! Все так заняты, используя вокс, пикт-каналы, прямые передачи ноосферы. Держу пари, никто не пользуется старыми гаптическими каналами. Никто не пользуется пальцевым кодом в наши дни, пока не прижмет!

Облигана замолчала. Ее пальцы задержались, словно паучьи лапки — деликатные и осторожные.

— Все низкоуровневые каналы гаптики и непосредственного ввода кодов достаточно свободны, фамулюс, — доложила она.

Лицо Зонне растянулось в усмешке.

— Отправь адепту Файсту вот это, — начал он. Затем поправился: — Нет, знаешь что... отправь этот кодовый приказ на все каналы.

Его пальцы принялись печатать под дождем на невидимой клавиатуре. Пальцы Облиганы в точности повторяли каждое движение Зонне.

— Командное управление, исполнитель-фециал, Крузий, — бормотал Зонне, печатая по воздуху и проклиная свою немодифицированность. — Ты принимаешь, Облигана?

— Да, сэр.

— Отмена, Крузий двенадцать максимальный девять.

— Отправляю: отмена, Крузий двенадцать максимальный девять, — эхом отозвалась она.

Все пятеро вошли под портик северо-западного входа. Колоба-111010:1101-альфа-штрих-приставка-1101 «обнюхал» биометрику Зонне и взмахом руки пропустил их внутрь.

— Держать ухо остро, — тихо велел Зонне, когда они вошли в Кузницу. — Сейчас начнется самое интересное.

>

«Доминатус Виктрикс» шагала из Гинекса на северо-запад вместе со вторым фронтом. Главные ударные группы Красной Фурии подходили к Аргентуму, а второй фронт под командованием принцепса Левина на борту «Аякс Эксельсус» отставал уже почти на два с половиной часа, расчищая южные подходы.

Машины и вспомогательные части скитариев шли через обширные разбитые войной пространства Шалтарской перерабатывающей зоны. Машины двигались с широкими интервалами — не меньше километра одна от другой, а иногда и больше пяти, и, хотя день был ясным, а видимость — превосходной, все выставили оптику и ауспики на максимум. Начиная с третьей недели войны в Шалтарских пустошах засело большое количество вражеских машин, особенно быстрых, специализирующихся на поиске и уничтожении и противомашинной борьбе, — так что никто не хотел рисковать.

Поступление оперативных данных из улья Принципал, особенно из «Вражеского каталога», весь день было обрывочным.

Тарсес знал почему. Все видели опубликованные данные.

Ночная победа укрепила доверие экипажа друг к другу, а когда к рассвету улеглась буря и они вновь обнаружили «Тантамаунт Страйдекс», боевой дух на борту едва не хлынул через край.

«Страйдекс» ходил кругами всю ночь, пытаясь их найти. Его застала врасплох и вынудила

отклониться с курса вражеская машина, которую «Виктрикс» позднее убила. Принцепс Терон прислал свои поздравления Принцхорну. «Страйдекс» получил некоторые повреждения в стычке, но не настолько серьезные, чтобы идти обратно к башням. Терон заявил, что способен воевать, и они поспешили дальше вместе.

На рассвете обе машины получили указания от «Аякс Эксцельсус» присоединиться к маршброску второго фронта и двинулись крейсерским шагом через Лексал с величественным пиком горы Сигилит, снежно-белым в малиновом рассветном небе. Тот медленно поворачивался по правому борту, пока не стал похожим на кромку плоского лезвия.

К тому моменту экипаж полностью осмыслил последствия данных, преданных ночью огласке в улье.

Тарсес считал, что данные были фальшивкой, призванной посеять распри, и частью атаки мусорного кода Архиврага, вливающей яд дезинформации в информационные системы союзников. Однако он держал свое мнение при себе. Принцхорн со своим фамулюсом явно были рады новостям. Они трепались друг с другом по частному каналу, и Тарсес чувствовал их возбуждение: данные подтверждали самую суть орестских верований.

Сидящие по обе стороны от него в креслах, установленных в подбородке титана, Анил и Кодер говорили мало. Как и Тарсес, оба встретили публикацию с тревогой. Тарсес надеялся, что у них хватит здравого смысла понять, что данные эти как есть — сплошная ложь.

Первое доказательство, что поход на Аргентум не пройдет без помех, обнаружилось среди конструкций очистительной установки Шалтарского 18-го вспомогательного комплекса. Две вражеские машины — «Разбойники», судя по краткому следу на ауспике, — устроили засаду среди разбитых и усеянных пробоинами гироангаров рафинера, используя металлические конструкции и близлежащие богатые рудой терриконы в качестве заслона от оптической разведки и сканирования ауспиками. Внезапной атакой они застали врасплох «Пса войны» «Марциал Нокс» и повредили его ракетным огнем, когда тот вошел в западню.

Экипаж шедшей в двух километрах сзади «Виктрикс» видел, как все произошло. Частые ослепительные ракетные залпы проявились на приборах острыми зазубринами и яркими пятнами выбросов тепла. Вспышки света Тарсес, как ни странно, заметил в передние окна кокпита.

— Нападение! Нападение! — доложил он.

<Тактические спецификации?> — отозвался Принцхорн.

Страдальческий поток кода хлынул от раненого «Пса войны». Тот, хромая, пытался вырваться из западни. Тарсес напряженно вслушивался, стараясь распутать множественные источники кода. Он впился глазами в слабые, нечеткие отклики, передаваемые чужим ауспиком.

— Удар нанесен по «Марциал Нокс», мой принцепс, — доложил он. — Данные говорят о двух целях. Направление четыреста пятьдесят восемь.

<Сенсори, подтверждение!>

— Делаю, мой принцепс! — отозвался Кальдер.

<Поднять щиты! Атакующий шаг! Изготовить главные орудия!>

— Есть щиты!

— Есть атакующий шаг!

— Главные орудия на ваше усмотрение, мой принцепс, — сказал Тарсес.

Далеко впереди прокатился еще один испепеляющий выскерк ракетного залпа. Раненый «Пес войны» издал новый отчаянный код.

— Черт! — прорычал Кальдер. — У «Нокса» настоящие проблемы!

<Будьте любезны пользоваться только формальными выражениями в моем кокпите, сенсори!>

— Слушаюсь, мой принцепс. Виноват, мой принцепс.

<Где подтверждение?>

Кальдер боролся с приборами:

— Трудно определить местоположение, мой принцепс. Даже при максимальном увеличении сигнал ауспика отражается от залежей руды на местности.

<Мне не нужны отговорки, сенсори!>

— Это не отговорки, мой принцепс, — вмешался Тарсес, подстраивая приборы. — Сенсори Кальдер прав. Мы имеем дело с хищниками, нападающими из засады, — модели «Разбойник», я полагаю. Они мастера использовать всевозможные магнитные и минералогические помехи на местности для маскировки.

В километре к востоку от них «Тантамаунт Страйдекс» объявил о намерении открыть мешающий огонь с дальней дистанции. В трех километрах к западу «Владыка войны»

Темпестуса «Утешение Ванквиста» объявил, что собирается сделать то же самое.

Обе махины озарились светом, выпуская мощнейшие потоки огня по далеким гироангарам, и двинулись в ту сторону. Рваные отклики совместных залпов ухудшали сигнал ауслика еще больше.

<Держать атакующий шаг! — приказал Принцхорн. — Я информирую «Страйдекс» и «Утешение», что мы пройдем посередине, чтобы оказать непосредственную поддержку «Ноксу», пока они будут вести огонь на подавление>.

— Да, мой принцепс. Великолепная идея! — ответил Тарсес.

Это было прекрасным тактическим решением. Принцхорн, чья уверенность в себе крепла, начал действовать и думать как боец настоящей махины, а не симулятора. И Тарсес полагал, что его долг — восторженно одобрять выбор своего командира.

В двух с половиной километрах за Шалтарским 18-м вспомогательным комплексом «Владыка войны» Инвикты «Кер Волан» повернул, чтобы прибавить свое дальнобойное противодействие к той ярости, что обильно изливали «Страйдекс» и «Утешение». «Разбойник» «Имперіус Крукс» по правую руку от «Кер Волан» просигналил, что идет на сближение вместе с «Виктрикс».

<Постараюсь оставить что-нибудь для вас, «Крукс»>, — подтрунил Принцхорн над принцепсом «Крукса» Дендрейком.

— Модерати? — прошипел Кальдер.

— Секунду, сенсоры, — отозвался Тарсес, пытаясь удержать внимание одновременно на районе целей, системах прицеливания и скорости хода «Виктрикс». Один из кормовых автоматов заряжания, похоже, заедал или работал с задержкой. Все это смахивало на жонглирование сразу несколькими тарелками.

<Техножрец, внимание! Девятый кормовой автомат заряжания!> — торопливо произнес он через аугмиттер.

<Неисправность обнаружена, модерати, — прокантировал техножрец. — Посылаю сервитора>.

Тарсес перевел взгляд на Кальдера:

— Прости, что ты хотел?

— Буду признателен, если вы выскажете свое мнение об этом сигнале.

Тарсес целиком переключился в манифольд.

— Выгружай.

Кальдер отправил Тарсесу фрагмент данных. Тот внимательно его просмотрел, потом попросил воспроизвести еще дважды.

— Ну что? — спросил Кальдер.

— Твое мнение? — ответил Тарсес.

— Там три цели, не две.

— Двоение может быть результатом отражения ауспика от чего-то вроде алюминия или боксита.

Кальдер фыркнул:

— Я очистил сигнал и подкорректировал скрытые объекты.

— Думаешь, три?

Кальдер кивнул.

— По-моему, убедительно, — сказал Тарсес. Он включился в общий канал: — Это «Виктрикс»! Внимание, мы видим три, повторяю: три вражеские махины в районе целей!

<«Виктрикс», «Виктрикс», я думаю, ваш ауспик сбоят, — прокантировали в ответ с «Крукса». Сигнал искажался мусорным шумом. — Мы видим всего две>.

<Модерати?>

— Мой принцепс?

<Это снова наш чертов ауспик? Если так, то, клянусь Деус, я его вырву собственными руками и поменяю!>

Тарсес глянул через плечо на раку Принцхорна:

— Сенсори Кальдер утверждает, что целей три, мой принцепс. Я доверяю его опыту.

«Доминатус Виктрикс» достигла Шалтарского 18-го вспомогательного примерно на две минуты раньше «Империус Крукс». Когда оба титана вошли в комплекс очистительного завода, «Страйдекс», «Утешение» и «Волан» прекратили дальний обстрел, боясь попасть в своих.

Место представляло собой спутанную мешанину взорванных башен, развороченных трубопроводов и разбитых градирен. Воздух был пронизан дымом и отголосками кода. Три машины так перемололи это место в мертвую пустыню. Земля превратилась в перепаханную смесь булыжников и глубоких воронок.

— Множественные предупреждения о неустойчивости хождения! — крикнул Анил.

<Снизить до трети хода!> — приказал Принцхорн.

— Есть до трети!

Тарсес развернулся лицом вперед. Он чувствовал, как громадина «Виктрикс» оскальзывается и съезжает по неустойчивой, разбитой почве. Скауген рассказывал ему жуткие истории о машинах, которые слишком поторопились пройти по ненадежной местности и превысили ограничения по сцеплению с поверхностью. Опрометчивая спешка довела их до того, что гироскопы и гасители инерции были уже не в состоянии держать равновесие. Машины падали и оказывались беспомощными, когда появлялся враг.

— Вряд ли тебе захочется попасть в такую ситуацию, — говорил Скауген.

— Вы правы, вряд ли, мой принцепс, — соглашался Тарсес.

— Расслабься, — велел он Анилу. — Прекрати сражаться с рычагами. Веди медленно и мягко, и мы сохраним равновесие.

— Слушаюсь, модерати.

Они шагали сквозь ключья черного маслянистого дыма. Дым омывал окна кокпита. Было слышно, как истекает кодом где-то впереди «Марциал Нокс».

— Спокойно, — посоветовал Тарсес.

Еще один шаг. И еще один. Ауспик работал на пределе, но ловил лишь развалины и коробки зданий.

<Где они?> — спросил Принцхорн.

— Они не могли сбежать, мой принцепс, — ответил Кальдер. — Мы бы заметили их след. Они все еще здесь.

— Спокойно, — повторил Тарсес.

<Мы уже должны их увидеть>, — сказал Принцхорн.

«Они же охотники, ловчие, хищники, подстерегающие добычу в засаде, — подумал Тарсес. — Конечно, мы их не видим. На это они мастера. Прячутся в укрытиях, в развалинах, а потом набрасываются — в упор».

— Спокойно, — опять сказал он. — Снизить до десяти. Начать повороты корпуса и наблюдение — плавно. Орудия изготовить.

Верхняя часть тела «Владыки войны» начала медленно поворачиваться: влево, вправо, влево, вправо.

— Здесь ничего нет, — сказала Фейрика. — Мы их потеряли.

— Нет, не потеряли, фамулюс, — возразил Тарсес. Он тщательно осматривал каждый элемент ландшафта впереди: горящий склад в двадцати метрах левее, длинный ряд покоробленных гироангаров в пятидесяти метрах правее, группу поврежденных пожаром башен впереди. — Осторожно, — произнес он, чувствуя, как «Виктрикс» снова соскальзывает. Его дыхание замедлилось, пульс тоже. Они приближались к точке воспламенения — к моменту, когда мир вокруг сойдет с ума. Он это чувствовал.

Тарсес проверил заряды и напряжение в орудийных системах и довел их до максимума. Еще один шаг. И еще один.

— Предлагаю произвести активный поиск ауспиком, мой принцепс, — сказала Фейрика.

— Нет! — быстро ответил Тарсес.

<Полагаю, это мне решать, модерати!> — прокантировал Принцхорн.

— Если хотите наделать глупостей, валяйте, мой принцепс, — отозвался Тарсес. — Дайте им знать, что мы прямо тут, если хотите.

<Ты словно старая придирчивая жена, модерати>, — сказал Принцхорн.

— Буду считать это комплиментом, мой принцепс, — откликнулся Тарсес, продолжая поиск.

— Семьдесят метров, направление три-четыре-три, — прошептал Кальдер. — Я думаю, это тепловое марево.

— Я тоже так думаю, сенсоры, — согласился Тарсес. Он переключился на системы прицеливания и подождал, пока те сойдутся в поле зрения манифольда. — Прошу разрешения открыть огонь, мой принцепс.

<Я не вижу никаких целей!>

— Кальдер видит. Разрешите открыть огонь?

<Разрешаю>.

Тарсес активировал систему инициации выстрела. Деструктор выплеснул свою ярость. БМУ отозвался чувственным потоком удовольствия, почти оргазма. «Виктрикс» желала этого.

Мощный орудийный огонь обрушил разбитый ангар. Из взвившегося пламени, словно вспугнутая пернатая дичь, выскочил покрытый шелушащейся коричневой эмалью «Разбойник». Он был ранен — подтаскивал одну ногу, из теплообменников на спине извергались потоки искр.

— Цель обнаружена! — завопил Кальдер.

— Сообщи мне, когда наведутся ракеты, — велел Тарсес.

— Ракеты наведены! — подтвердил Кальдер.

<Пять ракет — пуск!> — приказал Принцхорн.

Корпусная установка начала выпускать ракеты. Внутри кокпита ощущались толчки от вылетающих боеприпасов и слышался скрежет систем заряжания, вставляющих новые ракеты в контейнер.

Пять ракет было многовато. Тарсес обошелся бы тремя, но он всегда был бережливым.

Первые три ракеты попали «Разбойнику» в спину и убили его, разнеся торс в неистовом выплеске пламени. Четвертая выбила кокпит, когда «Разбойник» развернуло и тот начал заваливаться. Это было излишне, но приятно. Пятая прошла мимо и уничтожила бункерную башню.

«Да, трех хватило бы», — решил Тарсес.

Пылающий и разваливающийся на куски «Разбойник» рухнул. Анил и Фейрика восторженно завопили.

— Осторожно, слева! — заорал Кальдер.

Второй «Разбойник», окрашенный такой черной маслянистой субстанцией, что она казалась темно-фиолетовой и переливающейся, словно надкрылья жука, вырвался из гироангара слева. Его орудийные конечности стреляли не прерываясь. Плотный огонь заставил «Виктрикс» задрожать, пока щиты поглощали выстрелы.

<Поворот! Поворот!> — закричал Принцхорн.

Машина шла прямо на них —...сто метров... пятьдесят, — не прекращая стрелять.

— Щиты держатся! — доложил Кальдер.

<Приготовится к ближнему бою!> — скомандовал Принцхорн.

— Оружие ближнего боя выдвинуто! — крикнул Тарсес, активируя энергетическую палицу «Виктрикс». — Только я не думаю, что оно

— О чем ты говоришь, модерати? — взвизгнула Фейрика.

Тарсес снова выстрелил из деструктора. Первые три выстрела сокрушили заряжающиеся щиты «Разбойника», следующие три сняли с него скаल्प и изрешетили панцирь. Его кокпит взорвался.

— Резко влево, Анил! — велел Тарсес.

Рулевой навалился на рычаги.

«Виктрикс» накренилась в сторону, слегка оскальзываясь. Гиростабилизаторы взвыли, компенсируя неожиданную смену направления. Таща за собой светящиеся вымпелы огня, уже мертвый, вражеский «Разбойник» прошел рядом с правым бортом «Виктрикс». Он врезался в гироангар, канул в просевшую крышу и вспыхнул, словно погребальный костер.

<Мои поздравления, модерати, — произнес Принцхорн. — Эта победа — целиком ваша заслуга>.

— Спасибо, мой принцепс, но победа принадлежит «Доминатус Виктрикс».

Полукилометром дальше они нашли «Марциал Нокс». Тот проковылял сколько мог, а затем, горящий и умирающий, упал на колени.

Но он не собирался сдаваться без борьбы. Когда подошла «Виктрикс», «Нокс» попытался подняться. Из-под панциря выбивалось пламя.

<Мы здесь, и вы в безопасности, — прокантировал Принцхорн на «Нокс». — Только, боюсь, вам конец>.

<Я не погибну вот так!> — прокантировал в ответ принцепс «Нокса» Талентин.

<Тогда хотя бы спасите экипаж, Талентин>, — прокантировал Принцхорн.

Хлопнули взорвавшиеся пиропатроны, и секцию кокпита отстрелило из горящего остова «Пса войны». Кокпит отлетел метров на двадцать и со скрежетом проехался по булыжникам. Из оставшейся позади туши раздался запинаящийся рокот и — взрыв: пожар добрался до реактора.

«Доминатус Виктрикс» оставалась на страже, пока пришедшие на помощь отряды поддержки скитариев не вытащили экипаж Талентина из отстрелившейся головной части.

<Так что, сенсоры, вы полагаете, есть и третья машина?> — спросил Принцхорн, когда они снова отправились в путь.

Кальдер вслушивался в шумы, идущие через наушники.

— Готов биться об заклад, мой принцепс, — ответил он. — И вот мой вопрос: «Империиус Крукс» был в двух минутах хода позади нас. И куда, черт возьми, он пропал?

«Виктрикс» дошла тихим, осторожным шагом до границы Шалтарского 18-го и вступила на разбитую территорию предприятия «Объединенный Конглом Минераль Фабрик». Основную площадь «Фабрик» занимал километровый ряд огромных процессорных установок — массивных камнедробилок вдвое выше «Владыки войны», расположенных попарно.

— Вижу пятно отражения и шумовое эхо, — доложил Кальдер.

<Передачи?> — спросил Принцхорн.

Кальдер мотнул головой:

— Орудийный огонь, мой принцепс.

<Медленный ход, направление двести тридцать один, — приказал Принцхорн. — Проверить напряжение щитов. Я чувствую слабое место. Та драка могла ослабить прикрытие грудины>.

<Проверяю, мой принцепс>, — отозвался техножрец.

Они стали обходить дальний край огромных процессоров.

«Империиус Крукс» нашел третью махину, о которой говорил Кальдер.

«Разбойник» Дендрейка столкнулся с «Псом войны», панцирь которого был густо утыкан шипами. Массой «Разбойник» превосходил «Пса», но явно оказался застигнут им врасплох. Пугающе обильные клубы болезненно-желтого дыма извергались из крепления левой руки «Разбойника». Тарсес заметил, что выносные устройства связи и передающие антенны «Крукса» расстреляны вдребезги. Враг лишил «Империиус Крукс» голоса, чтобы прикончить его без помех.

— Это объясняет, почему мы ничего от них не слышали, — заметил Кальдер.

Он натянул наушники и скривился. Эфир был полон хаотичного гогочущего мусорного кода «Пса войны». Вражеская машина проворно крутилась вокруг подбитого и более медлительного «Крукса», словно волк, играющий с раненым гроксом, выпуская случайные выстрелы, сковывающие движения внушительного «Разбойника».

<Положить конец этому развлечению!> — приказал Принцхорн.

— Переключаюсь на ракеты, — отозвался Тарсес. — Навожусь на цель.

— Нас заметили! — крикнул Кальдер.

Как только «Владыка войны» вывернул из-за процессоров, вражеский «Пес войны» замер, словно бандит, которого застали за избиением жертвы. Он повернулся, выпустил два дерзких выстрела по «Виктрикс» и дал деру.

— Огонь! — взвыл Тарсес.

Две ракеты потянули за собой дымные хвосты, но щиты «Пса войны» их остановили. Тот споткнулся, но затем упрямо двинулся дальше, скача по центральному проходу между парными рядами огромных процессоров.

— Мы не сможем пойти за ним! — запротестовал Анил.

Центральный проход был достаточно широким лишь для «тощего» «Пса войны». Никакой «Разбойник», а тем более «Владыка войны» туда бы не пролез.

<Полный ход!> — объявил Принцхорн.

«Доминатус Виктрикс» отошла от линии процессоров, видя мелькание убегающего «Пса войны» сквозь магистральные трубы и сети трубопроводов. Тарсес дал сигнал частям поддержки подойти и помочь «Империиус Крукс», а затем вернулся к слежению за противником.

— Верткий гаденыш, — пробормотал он, следя за силуэтом убегающего «Пса войны», — тот метался туда-сюда между толстыми железными вышками линии процессоров.

— В кокпите использовать только формальные выражения, модерати! — велела ему Фейрика. — Приказ принцепса был ясен.

<Я разрешаю, фамулюс, — прокантировал Принцхорн. — Мой модерати прав. Это действительно верткий гаденыш>.

Словно кошка, выслеживающая мышь за стенной панелью, «Виктрикс» ходила туда и обратно вдоль ряда процессоров, ловя промельки шустрого «Пса войны», — тот перескакивал с места на место по центральному проходу, прячась в укрытии огромных дробильных вышек.

— Это недостойно, — отметила Фейрика.

— Знаешь что, фамулюс, — отозвался Тарсес, — почему бы тебе не соскочить и не отправиться к нему?

Фейрика смерила его неприязненным взглядом.

— Я уверен, что от одного твоего вида он обделается со страху, — добавил Тарсес.

<Достаточно, модерати>, — прокантировал Принцхорн.

Бросив взгляд назад, Тарсес с удовлетворением отметил, что принцепс улыбается.

<Достань эту машину, Тарсес, — сказал Принцхорн. — Мы не можем уйти, оставив тварь в живых. Нужно подтвержденное уничтожение, прежде чем мы продолжим путь>.

— Согласен, мой принцепс, но на данный момент единственный способ достать ее — поносить все процессоры по очереди, только, боюсь, это истощит наш боезапас.

— Сигналы! — объявил Кальдер.

«Тантамаунт Страйдекс» и «Утешение Ванквиста» прибыли на помощь.

Тарсес кратко обрисовал обеим машинам ситуацию.

— Три «Владыки войны», чтобы достать одного «Пса войны»? — пришел ответ от модерати Брейдела со «Страйдекса». — Будем брать на испуг?

— Что есть — то есть, друг мой, — откликнулся Тарсес. — У врага преимущество — укрытие на местности. Он может ждать там хоть неделю. Только я сомневаюсь, что это обрадует Левина или лорда Геархарта.

— Дорога впереди полна препятствий, — сказал Брейдел. Он прислал Тарсесу сжатый пакет со сводкой оперативных данных.

Они были не единственными, кого периодически доставали охотники-убийцы в Шалтаре. В течение дня несколько отдельных титанов и отрядов второго фронта доложили об огневом соприкосновении с вражескими машинами. «Валорус Аквила» был потерян в результате внезапного нападения в Перфеномском очистителе. «Гладиус Агон» получил столь серьезные повреждения в смертельной схватке с вражеским «Владыкой войны», что вынужден был повернуть обратно к ремонтным башням Антиума. Проклятый враг оставил Шалтарскую зону хорошо защищенной, усеяв ее хищниками-одиночками и мелкими группами засадных машин. Левину тоже пришлось отбиваться от засады. «Аякс Эксельсус» вел поединок с вопящим безумным «Разбойником» в течение трех минут, пока «Чертог Гвардакса» не вмешался и не разнес «Разбойник» на куски.

— У Левина сейчас выброс раскаленного ошибочного шунта, — рассказал Брейдел Тарсесу. — Наступление второго фронта практически остановилось, и ему ненавистна сама мысль, что он заставляет Красную Фурию ждать его у Аргентума.

Прежде чем Тарсес успел ответить, раздался оглушительный взрыв. Манифольд дрогнул и на мгновение померк.

<Что это было?> — потребовал Принцхорн.

Тарсес и остальной экипаж мостика лихорадочно пытались восстановить подачу данных.

— «Империиус Крукс»! — завопил Кальдер. — «Империиус Крукс» только что взлетел на воздух!

Повреждения «Разбойника» Дендрейка оказались более серьезными, чем думалось. У ждущего обещанных частей поддержки и спасения «Империиус Крукс» внезапно обнаружилась критическая поломка реактора. Двигательные отсеки поглотило радиоактивное пламя, мгновенно превратив в факел техножреца, который пытался исправить поломку. Когда стрелки приборов прыгнули к красным делениям, Дендрейк в отчаянии рискнул катапультировать экипаж.

Ни один не успел спастись. Сверкнула вспышка — и на месте, где стоял гордый «Разбойник», остались лишь глубокая черная воронка и неторопливо закручивающееся и темнеющее грибообразное облако.

<Хватит! — прокантировал Принцхорн. — Сейчас мы с ним разберемся. Сейчас мы уьем этого верткого гаденыша!>

Он выгрузил свой тактический замысел в манифольд. Принцепс Терон на «Гантамаунт Страйдекс» и принцепс Шон Ку с «Утешения Ванквиста» согласились с его планом.

Три «Владыки войны» заняли позиции вокруг линии огромных процессоров: «Страйдекс» прикрыла запад, «Утешение» — восток, «Виктрикс» прошла к дальнему краю, встав лицом к устью центрального прохода.

<Все на позиции?> — спросил Принцхорн.

— Все махины докладывают, что заняли позиции согласно вашей схеме, мой принцепс, — ответил Тарсес.

<Отлично. Наклонить корпус вперед по моему сигналу. Три, два, один — начали!>

Аккуратно, со знанием дела рулевой Анил снизил давление в гидравлике и буквально посадил «Виктрикс» на корточки. Суставы ног зафиксировались, и «Виктрикс» склонила тяжеленный торс вперед. Анил использовал орудийные конечности в качестве противовеса наклоняющейся громаде. Сейчас махина стала уязвимой. Чтобы набрать достаточно давления в гидравлике и выпрямиться, потребуется как минимум минута. Впереди зияло устье центрального прохода. Где-то там, в тени магистральных труб и пересечений трубопроводов, притаился «Пес войны».

<Все орудия на изготовку!> — прокантировал принцепс.

— Орудия готовы, мой принцепс! — отозвался Тарсес.

В кокпите внезапно повеяло холодом. Тарсес ощутил озноб — липкий, неприятный озноб. Они ставили себя под удар. Это был страшный риск. Если «Пес войны» решит напасть, они окажутся застигнутыми в неустойчивом положении, а их шансы на быстрый маневр уклонения будут сильно ограничены.

Устье прохода зияло перед ними — темное и таинственное.

<Огонь!> — прокантировал Принцхорн.

«Виктрикс» дала залп из всех орудий: с обеих орудийных конечностей, из мегаболтера — и шквалом ракет в придачу.

Совмещенный удар понесся по проходу, превращая пространство в огненную бурю. Трубопроводы рассыпались и горели. Магистральные трубы взрывались и лопались. Меж двух рядов процессинговых вышек разразился пылающий ад.

— Он убегает! — завопил Кальдер.

Пытаясь избежать урагана энергетических сгустков и раскаленных снарядов, вливающегося в глотку прохода, вражеский «Пес войны» бросился на запад, на полном ходу выскочив между восемнадцатым и двадцатым процессорами.

Он успел пробежать тридцать метров, прежде чем «Тантамаунт Страйдекс» его уничтожил. Залп уступом из восьми ракет вынес пустотные щиты и превратил махину в горящие обломки. Ноги из-под убегающего «Пса войны» вышибло; он повалился, продолжая перебирать конечностями. Половину панциря у него раздробило в пылающие клочья.

«Пес войны» рухнул мордой вперед, все еще двигаясь и брыкаясь, и пропахал носом булыжники, прежде чем исчезнуть в мощном завершающем взрыве.

<Махина убита, махина убита!> — объявил Терон.

<Прекрасно, — прокантировал Принцхорн. — Рулевой, восстановите прямое положением>.

Анил перезапустил гидравлику, и «Виктрикс» медленно поднялась, выдыхая из клапанов струи пара.

<Здесь мы закончили, — отметил Принцхорн. — Пусть второй фронт продолжает наступление>.

>

Старого аборигена звали Ашлаг. Он судорожно втягивал воздух, но не издал ни слова жалобы, пока Саген выправлял ему сломанную руку и накладывал шину. Взгляд его по-стариковски потускневших глаз словно был нацелен на что-то настолько далекое, что это было скорее «когда», чем «где». Его дочь — маску в виде лица-машины она повесила на пояс — в мрачном молчании сидела на земле возле «Кентавра». Ее лазмушкет Варко убрал подальше.

Разговаривать сейчас у него особого желания не было. В смерти Грэма Гектона была какая-то трагическая смесь мужества и бесполезности. Горечь потери накрыла Варко целиком, не оставив в голове места больше ни для чего. Ему пришлось заставить себя начать думать.

— От чего вы бежали? — спросил он у Ашлага.

Старик перевел на него мертвый взгляд; белые концы его впечатляющих усов спрятали едва заметную усмешку.

— Ты видел, от чего мы бежали, солдат, — ответил он.

— Машины, да. Машины я видел. Расскажите мне остальное.

Ашлаг хотел пожать плечами, но поврежденная рука причиняла ему слишком сильную боль.

— Я потерял жену и сына, солдат. Не мог бы ты дать мне спокойно погоревать?

Леопальд схватил Ашлага за перед брони так резко, что старик взвыл, и рявкнул:

— Ты, старый ублюдок! Мой капитан только что изжарился, спасая твою жалкую задницу! Капитан Варко задал тебе вопрос! Отвечай, не то я...

Варко потянул Леопальда назад и приказал:

— Хватит! — Он понимал душевную боль стрелка, но жестокого обращения с гражданскими терпеть не собирался. — Хватит, я сказал!

Саген помог ему оттащить Леопальда прочь. Ашлаг принялся баюкать сломанную руку, жмурясь от боли. Его дочь вскочила на ноги.

— Не лезь, — велел ей Варко. — Никто не собирается обижать твоего отца.

— Если вздумают, я их убью, — безапелляционно заявила девушка.

— Твое имя Келл, правильно? — спросил Варко.

— Я никому не называю своего имени, — ответила та.

Старая предосторожность местных — знаменитое нежелание сотрудничать, которое замкнутые общины Проспекции выказывали служителям улья. У народа Мертвых земель часто имелись

веские причины оставаться вне системы. Они держали свои имена и дела при себе, встречая подозрением каждого, кто приходил из ульевой зоны и задавал вопросы. Варко это понимал, но сейчас у него не было настроения подбирать нужные слова.

— Твой па уже назвал нам свое имя, девочка, — сказал он. — Его фамилия Ашлаг, значит, ты — Келл Ашлаг, верно?

Она открыла рот, собираясь что-то сказать, но вместо этого просто кивнула.

— Мне жаль вашего человека, — сказал Ашлаг. — Правда жаль, солдат. Вы пришли нам на помощь, хоть и не обязаны были этого делать. Его поступок был храбрым. Мне жаль его, но моя бедная жена и мой сын...

Он склонил голову и вытер глаза грязным кулаком здоровой руки.

— Там были машины, — тихо произнесла девушка, — много машин. Там, в диких местах, куда ваши не заходят. Они напали на несколько поселений и сожгли их дотла.

— Продолжай, — подбодрил Варко.

— Когда поползли слухи, мы начали собираться в безопасном месте. Даже проспекторы и искатели самородков, которые работают сами по себе, — все пришли. Был большой сход в Меновом Холме две ночи назад. Я никогда не видела столько людей сразу.

«Ты улей никогда не видела», — подумал Варко.

— Сотни людей, — сказала она, качая головой от самой мысли. — Были споры, потом мы голосовали по закону Проспекции.

— Голосовали?

— Община голосовала, — пояснил Ашлаг. — Приняли решение, что Суэйн, мэр Менового Холма, свяжется с большим ульем от имени вассальных общин и обратится с просьбой о спасении.

Варко поднял брови. Местные, зовущие улей на помощь? Такого еще не бывало.

— У мэра большого улья — у него ведь есть свои собственные машины? — спросил Ашлаг.

— Он не мэр... — презрительно начал Леопальд.

— Да, есть, — ответил Варко.

— Мы надеялись, что он пришлет свои махины на помощь, — сказал Ашлаг.

— Он сейчас малость занят, — объяснил Варко. — Улей в состоянии войны. На Орест вторгся враг.

— О, — отозвался Ашлаг, — это многое объясняет.

— Орест — это где? — спросила девушка.

— Это... — начал Варко, потом вздохнул и, вместо ответа, обратился к старику: — Что вы имели в виду под «многое объясняет»?

— Когда голосование закончилось, Суэйн попытался связаться с большим улем через вокс-мачту Менового Холма. Но каналы — они все были мертвы. Только... испорченный код. Суэйн пытался не один час, но так и не смог пробиться.

— А потом? — спросил Саген.

— Потом пришли махины, — сказала Келл Ашлаг.

— На рассвете. Как будто услышали наш зов, как будто они слушали Суэйна по воксу, — шмыгнул носом старик. — Они напали на Меновой Холм и стерли его с лица земли.

— И вы побежали?

— Да, солдат, мы побежали. Все, кто мог, бежали так, словно за нами гнались пылевые демоны. Они и были демонами, по-моему.

— Махины пошли за вами?

— Ты сам видел.

Сухой ветер шуршал пылью о борт «Кентавра». Варко посмотрел на восток. Весь день там, на краю горизонта, медленно густела огромная черная полоса. Собиралась буря, но не такая пыльная буря, которую они перенесли. Это была масса грозových облаков, напитанных влагой, которые сгрудились над зоной ульев. Ветер становился холоднее, и Варко уже чувствовал запах дождя.

— Сколько было махин? — спросил Траск.

Девушка посмотрела на водителя «Огнехода».

— Ты сказала, что махин было много, — сказал Траск. — Много — это сколько?

— Сколько много? — переспросила она и пожала плечами: — Не знаю. Больше, чем я в жизни видела.

— А ты раньше когда-нибудь машину видела? — спросил Леопальд.

— Нет, — ответила Келл. — Я не это имела в виду. Там было много махин. Слухи шли отовсюду.

Варко поразмыслил над ее словами. Главные силы махин Архиврага высадились в зоне ульев в начале войны. Он предположил, что они могли оставить позади резервный эшелон, чтобы зачистить Проспекцию и ждать наготове. Сколько же там махин? Дюжина от силы? Для девушки, которая не видела раньше ни одной, это было бы явно много. Для девушки, которая жила столь замкнутой жизнью, что собрание из сотен людей для нее — чрезвычайное множество, это было бы явно много.

— Здесь где-нибудь можно найти укрытие? — спросил он.

Они похоронили жену и сына Ашлага и все, что осталось от Гектона, в неглубоких могилах недалеко от дороги, а потом отправились на северо-запад, к гряде холмов, которые Ашлаг назвал Падунами. Он говорил, что знает старую стоянку проспекторов на полпути к перевалу.

Падуны оказались угловатыми утесами известняка, утыканными жестким пустынным кустарником. Когда солнце начало заходить, скалы окрасились в кадмиево-красный цвет под суровым кремнево-синим небом. Запах дождя усилился, и, хотя ветра не было, ощутимо похолодало.

Небо предвещало грозу. словно кровоподтек, оно наливалось над красным утесом, пока скалы вокруг не стали похожи на застывшие языки пламени, а само небо не стало напоминать пелену дыма от них. Хотя Варко знал, что до сезона дождей еще несколько месяцев.

Стоянка представляла собой длинный дом, построенный из обрезков жести и прижавшийся к скале под нависающим сверху выступом. Дом был старый и ржавый, частично укрытый маскировочными сетями и рабицей. Левее, в стороне, стоял небольшой деревянный нужник.

Дверь дома оказалась не заперта. Ашлаг объяснил, что длинный дом, как и другие такие стоянки, был общей собственностью и его не запирали, чтобы любой из местной общины, кто будет идти мимо, мог найти здесь укрытие.

Место было пустым и выглядело не очень гостеприимно. Варко и Траск вошли первыми. Варко достал свой пистолет, а Траск вооружился лазмушкетом девушки. Из другого оружия у них

остался только стаббер на «Кентавре». Их единственный карабин и свой собственный пистолет Гектон унес с собой в могилу.

Пол, сделанный из кусков листового металла, скрипел под ногами. Потолок был низким и, похоже, собранным из армированных кусков грузового контейнера. На одном конце длинного дома стояло девять железных коек, узких и голых, составленных в три этажа. Грязный занавес, отделяющий спальное место от остального помещения, был отдернут. В основной части дома располагались печка, рециркулятор для воды, железный стол, скамья и четыре деревянные табуретки. На одной стене от пола до потолка были навешены полки, заваленные ненужными предметами, оставленными предыдущими постояльцами. Там были части механизмов, банки консервированного риса и менее узнаваемых продуктов, ржавые инструменты, дыхательная маска, образцы руды, проспекторский молоток, три дохлые лампы, осколки полированного стекла, кости животных, бечевка, тесак, проволока и куски кабеля, пара перчаток, две склянки со смесью приправ, полотно циркулярной пилы, помятые котелки и сковородки, три отбитых стакана и сигнальная ракета.

— Пожертвования, — сказал Ашлаг, входя следом. — Пользуешься этим местом — должен оставить что-нибудь следующему гостю.

— Что это за жертвование — звериная кость? — спросил Траск.

— Это оставил тот, кому больше нечего было оставить, — ответил Ашлаг и открыл дверь в дальней стене.

Дом был построен из таких разных кусков, что ни Варко, ни Траск даже не поняли, что это дверь. Она вела в небольшую кладовку со шкафами по обе стороны и маленьким генератором у задней стены. Ашлаг повозился с генератором, орудуя одной рукой, и сумел его запустить. Тот с кашлем ожил, и светосферы, встроенные в потолок большой комнаты, заморгали желтым светом.

— Жидкое топливо? — спросил Варко у Ашлага, кивая на генератор.

Тот помотал головой:

— Солнце. Наверху, на горе, приемные панели, они питают аккумулятор.

Он открыл шкафы, являя на свет покрытые пятнами, но сухие рулоны постелей, несколько простых инструментов и кухонных принадлежностей, разномастные жестяные миски и кружки, старый хромированный кофейник и жестяные бачки с сушеными продуктами. Откупорив несколько бачков, старик перетряхнул их содержимое.

— Немного осталось, — сказал он, — но нам хватит. Типично для старого Вессмана — вычистить все до дна. Всегда берет больше, чем оставляет.

— Кто такой Вессман? — спросил Варко.

— Последний, кто тут останавливался, — ответил старик.

— Откуда ты это узнал?

— На стене написано, — пояснил Ашлаг.

Варко посмотрел на свободную стену, и тут до него дошло, что ее неровные разнокалиберные панели покрыты от пола до потолка мельчайшими надписями. Множество разных рук оставило тут свой след. Здесь были надписи разных размеров и стилей, чернилами разных цветов; некоторые так сильно выцвели от времени, что едва были видны. По большей части записи были краткими — всего несколько строк, но все были нанесены плотно. В некоторых местах виднелись нарисованные от руки карты и схемы.

Варко не сумел прочитать ни строчки.

Ашлаг наполнил кофейник, поставил на печку и подошел к капитану.

— Все, кто побывал на стоянке, видишь, все отписывались здесь. Кто, когда, что взял, что оставил. Иногда пишут, куда идут или где были. Иногда оставляют новости. Стены — прекрасное место получить весточку от старых друзей или соперников. Видишь вот здесь? Сын Дума Таслера женился две зимы назад в Маловодье. Дум написал это по дороге домой с праздника.

— Ты это можешь прочесть? — спросил Варко, щурясь.

— Довольно легко, — сказал Ашлаг. — Здесь все. — Он указал грязным пальцем на другой клочок текста: — Видишь? Написано: Оргман остановился здесь семь лет назад. Вот дата. Он взял лопату, которая ему была нужна, с благодарностями, и оставил батарею, которая еще поработает. А вот здесь: шесть недель назад братья Замне останавливались тут, их пригнала пыль. Они провели здесь три ночи, взяли батарею, с благодарностями, и оставили сервиторский манипулятор, в хорошем состоянии. Еще они наполнили банку с рисом, но извинились за взятые остатки солонины. И обещали возместить запас солонины в следующий раз.

Варко по-прежнему пытался расшифровать хоть какую-нибудь надпись. Ашлаг постучал пальцем внизу стены:

— Последняя запись, видишь? Вессман. Только имя и дата. Он был здесь последним. Типично для него: взять и не оставить.

— А что это за рисунки?

— Иногда кто-то оставляет карту или маршрут. Оставляет сообщение о закрытом проходе или о дороге, которая открылась, или показывает путь к многообещающему участку или жиле, на которую у него нет времени или средств. Вот здесь, видишь? Альбрех оставил инструкции, как найти обнаруженную им залежь селитры, его самого не заинтересовавшую.

Варко начал понимать кое-какие каракули. Строчки были плотными и сжатыми, стена была писана-переписана многократно. Дом стоял тут так давно, что посетители исписывали всю стену снова и снова. Когда последняя запись занимала правый нижний угол, надписи начинались заново — с верхнего левого угла. Варко подумал, сколько же лет приходов и уходов знаменовали эти записи, и решил, что, пожалуй, несколько сотен.

— Нужно найти стило и написать мое имя, — сказал Ашлаг.

Кофейник на печке начал булькать.

Саген подвел «Кентавр» к стоянке и с помощью девушки прикрыл его сеткой. Траск с Леопальдом внесли Кодера в дом, потом разгрузили машину. Ночь наступала быстро, слышались раскаты грома. Скалы превратились из темно-красных в бледно-фиолетовые, потом в мягко-синие.

— Что с твоим другом, солдат? — спросил Ашлаг, глядя на Кодера.

— Он болен.

— Чем болен?

— Он Механикус. Перерасходовал свой запас энергии. С вашего разрешения...

Варко подтащил Кодера к двери кладовки, затем осторожно вытянул один из дендритовых штекеров из левого предплечья технопровидца. Занятие это ему удовольствия не доставило — словно вытягиваешь из руки артерию. Варко не отказался бы, если б технопровидец очнулся и сам все сделал или хотя бы дал дельный совет.

Он вытянул штекер целиком. Тот, хотя и гибкий, был странно теплым и органическим для куска металлического кабеля. Варко осторожно подсоединил штекер к одному из выходов генератора.

Звук генератора слегка изменился — агрегат скомпенсировал дополнительную нагрузку. Кодер не пошевелился.

— Это ему поможет? — спросил Саген.

— Не знаю, — ответил Варко. — Попробовать стоит.

Они напились кофеина из жестяных кружек. Варевое Ашлага оказалось густым и черным, как отработанное масло, и к тому же кислым, но его насыщенность и тепло были очень кстати. Затем старик решил приготовить какой-нибудь еды, но сломанная рука слишком мешала, так что за дело взялась девушка. Ашлаг торчал рядом, давая советы, в которых она явно не нуждалась. Стоя у печки, девушка периодически бросала взгляды на Кодера. Технопровидец явно тоже для нее был в новинку.

Саген, Траск и Леопальд допили кофеин и расслабились. Варко услышал, как они принялись вспоминать Гектона. Снаружи по стенам стоянки застучали первые тяжелые капли дождя.

Варко отцепил светосферу и принес ее к стене, чтобы поизучать надписи. Строки приковывали взгляд. Медленно и с трудом он прочел сообщение Альбреха о залежи селитры, потом слова кого-то по имени Хоркин, который благодарил стоянку за добрую ночевку и сообщал, что оставил галеты в банке для продуктов. Клан Светотов — семья из восьми человек — дал знать, что они забрали две канистры с водой и оставили «кирку и два промывочных лотка, а также солнечный амулет, который сплела наша старшая дочь».

Варко подошел к полкам. Среди всякой всячины нашелся выцветший амулет, сплетенный из высушенной пустынной травы. Солнце играло определяющую роль в жизни Мертвых земель, но амулет больше походил на колесо из темного золота. Или на шестерню.

«Быть может, в конечном итоге мы все поклоняемся одному и тому же», — подумал Эрик Варко.

Еда была простой, но доброй. Танкисты смели ее с таким удовольствием, что Келл Ашлаг почти улынулась. Восстановленный рис, приправленный специями и размоченными овощами, мог поспорить со званым ужином в верхнем улье. Еще было немного солонины и крокеты из покрошенных галет, размоченных, обвалянных в муке и обжаренных. Ашлаг сварил еще кофеина.

— Спасибо, — сказал Варко, покончив с едой.

— Спасибо стоянке, — отказалась от благодарности Келл.

— Леопальд может помыть посуду, — сказал Варко.

— Есть, сэр, — кивнул тот.

Удивительно, каким покладистым становится человек с полным желудком.

Дождь начинал стучать сильнее. Все по достоинству оценили небольшое, освещенное

светосферами прибежище стоянки.

Ашлаг взял стило, поднес к стене светосферу и собрался оставить свою запись. Но оказалось, что с больной рукой подобраться к нижней части стены ему будет стоить больших трудов.

— Давайте, я помогу, — предложил Варко.

Губы под белыми моржовыми усами неодобрительно сжались. Старик колебался.

— Ты напишешь так, как я скажу, солдат? — спросил он.

— Конечно, сэр, — ответил Варко. Старик передал ему стило.

— Орвен Ашлаг был здесь, с дочерью, — начал он.

Варко принялся записывать. Писать мелким почерком было трудно. Его каракули выглядели гигантскими и уродливыми по сравнению с умелыми миниатюрными надписями местных. Варко написал дату. Число напомнило ему, как давно его носит по воле волн и как давно бушует война.

— Мы пришли сюда после великого бегства из Менового Холма, — продолжал старик, — убегая в чем были от страшных махин. В этот день, к моей великой скорби, я потерял жену Шенну и сына Бекка. Кто-нибудь из читающих это слышал другие вести о бегстве из Менового Холма? Я беспокоюсь за своего брата Самвена и его семью, за семьи своих друзей Джарта Оремана, Румана Джеддера, а также Терка Даршина, которых я не видел с самого Менового Холма.

Варко записывал слово в слово.

— Я пришел сюда вместе с солдатами большого улья, — продолжал Ашлаг, — которые спасли меня и мою дочь Келл от махины ценой жизни одного из своих. Мы взяли кофеин, воду, рис и другую еду и еще много чего с полок — но это должная плата солдатам за их помощь, и я надеюсь, никто не пожалится. Боюсь, что бачки с продуктами теперь пусты совсем — еще пустее, чем были после Вессмана, но я постараюсь оставить что-то взамен, возможно, свой отличный лазмушкет.

Ашлаг глянул на Варко.

— Хватит пока, — сказал он.

Варко опустил стило. Старый лазмушкет Келл был практически единственной собственностью, оставшейся теперь у отца с дочерью. Капитан был готов снять шляпу перед решимостью старика соблюсти обычай стоянки.

— Мы найдем оставить что-нибудь другое, — сказал он Ашлагу. — У нас есть вещи, которые могут пригодиться.

— Благодарю, солдат, но я оставлю собственное пожертвование, — ответил старик.

Он ушел к одной из коек и примостился, чтобы дать покой руке. Там же на одной из коек храпел Траск. Саген сидел за столом, допивая последние капли кофеина. Леопальд скреб жестяные миски и сковородки в кадке с водой, слитой из рециркулятора. Девушка сидела в дальнем углу, обхватив ладошками кружку с кофеином, и смотрела на неподвижного технопровидца.

Варко взял светосферу и снова вернулся к стене. Он прочитал, что некто по имени Рейдо или Релдо остановился здесь четыре месяца назад и оставил катушку детоленты взамен еды, которую брал. Не назвавший себя путешественник по диким землям шесть недель назад написал, что забрал смазочное масло, оставленное другим постояльцем, крайне необходимое для механизмов его шагателя, и оставил «кучу разных винтов, гаек и гвоздей». Погонщик гиппин, по имени Касвестер, проходивший мимо со своим караваном скота в конце года, гордо сообщал, что он «не взял ничего и поэтому не оставил ничего». Кто-то еще, без имени и даты, просто написал: «Благодарю за кров. Я собирался умереть». Еще одна запись, сделанная кем-то, подписавшимся как «Твист Жиндаль», благодарила стоянку за энергию, воду и «самый отменный и удобный в мире нужник».

Варко расхохотался, мотая головой.

— Что-то смешное?

Он поднял глаза. За спиной стояла девушка.

— Нет, просто читаю.

— Это наша жизнь. Над ней ты смеешься.

— Я знаю. Я не смеюсь.

Девушка лишь поджала губы.

— Можешь мне помочь?

— Чем?

— Вот эта запись, вторая с конца, над пресловутым Вессманом. Тут какая-то схема, но я никак не могу разобрать почерк. Он такой мелкий и аккуратный. Можешь прочитать?

— Зачем тебе?

— Интересно, — ответил Варко.

Она опустилась рядом на колени и взгляделась в ту часть стены, куда он показывал.

— Ханкс, — сказала она. — Топограф.

— Знакомый?

Девушка мотнула головой.

— Тогда, откуда ты знаешь, что он топограф? Там так написано?

— Нет, — ответила она и постучала по стене кончиками пальцев, — это рука топографа, если я что-то понимаю. Топографы — они очень скрупулезные, очень аккуратные. Посмотри на почерк — такой весь сжатый и четкий. Рука рисовальщика карт.

— Что он пишет?

Она нахмурила брови и прищурилась.

— Ему пришлось посадить свой орнитоптер на Падуну из-за бури. Это было... восемнадцать недель назад.

— Еще до начала войны, — пробормотал Варко.

Девушка пожала плечами.

— Он пишет, что буря была ненормальной.

— Ненормальной?

— Так написано.

— Прочти мне.

Она недовольно на него посмотрела.

— Пожалуйста, — прибавил Варко.

Келл согнулась и пристально взгляделась в крошечные буквы:

— Так, здесь говорится: «Пришлось сесть во второй половине дня, сильный боковой ветер, усиливающийся к северо-северо-западу. Ненормально для этого времени года. Я планировал осмотреть конструкцию в Устье сегодня еще раз, но помешала погода. Началось накануне вечером: сильные несезонные бури. Я забрал немного сушеных продуктов и оставил два блока твердого топлива». Дальше он нарисовал схему.

— Что на ней?

Девушка сжала губы:

— Падуны — вот. Пыльное озеро сзади. Меновой Холм. Нижние Железняки — здесь, наверное. И вот крестик на Устье.

— В какой стороне находится это Устье? — спросил он.

— Километров десять к западу отсюда, — сказал Ашлаг, поднявшись с койки и прихрамав к ним. Грязная простыня была обернута у него вокруг плеч на манер шали. — Что там еще, дочка?

— Па, тут какая-то неразбериха, — сказала она.

— Слишком мелко и плотно для моих старых глаз, — признался он. — Поэтому я их и пропустил. Что там еще этот Ханкс пишет?

— Пишет, что собирался стонять к Меновому Холму, как только буря уляжется, и спросить у мэра Суэйна, не знает ли тот, что за конструкция строится в Устье. Пишет, что ему интересно — не связано ли это с небесными огнями.

— С небесными огнями? — переспросил Варко.

— Всю прошлую зиму на Проспекцию падали с неба куски звезд, солдат, — сказал старик.

— Вот черт! — воскликнул Варко. — Еще там есть что-нибудь? — спросил он, глянув в озадаченное лицо Келл Ашлаг.

— Не особенно, — ответила она. — Топограф написал только, что проснулся рано, когда утихла буря, и обесточил генератор перед уходом. Пишет, что раз небо такое ясное, то слетает еще

раз к Устью, прежде чем отправиться в Меновой Холм. И оставил инициалы.

Варко поднялся на ноги.

— Мне нужна оптика, — сказал он.

— В шкафах была оптика, — ответил Ашлаг. — Какого Шара ты намерен делать с оптикой в это время?

Варко не ответил. Он подошел к шкафам в кладовке, почувствовав, как в бок дунуло теплом от фырчащего генератора. В шкафах нашлось несколько пар защитных очков, еще постельные принадлежности и — огромный револьвер с двумя вертикальными стволами, завернутый в грязную драную тряпку вместе с большой картонной коробкой патронов. Варко оценил проявленное Орвеном Ашлагом и его сердитой дочерью доверие. Они могли бы взять этот револьвер и перебить тут всех.

Штука была очень увесистая. Варко отодвинул револьвер в сторону и отыскал оптику.

— Ты куда собрался? — спросил Ашлаг проходящего мимо Варко.

Тот, с наблюдательным прибором в руке, пристегивал к лицу горгонью маску старика.

— На улицу, — ответил Варко.

Снаружи, в темноте, дождь лил как из ведра, превращая пыльные склоны в мокрую глину и грязь. Едва выйдя из дома, Варко тут же вымок до нитки. Он полез вверх по склону, засунув оптику за пояс. Буквально вбивая руки и ноги в грязь, он забирался все выше, время от времени скатываясь назад, когда пропитанная водой почва не выдерживала.

Гремел гром. Звезд на небе не было. Из-под тяжелой черной крышки неба низвергался дождь.

Пробираясь через бурлящие склоны и мини-водопады, Варко поднялся на омытый дождем утес. Миновал привинченный к южной стороне скалы блок солнечных батарей, блестящих от капель дождя. Добравшись до вершины, он уже весь был облеплен мокрой грязью и дрожал. Сверху яростно рушились потоки воды.

Его окружала абсолютная ночная темень Мертвых земель.

Он взобрался на макушку плоской скалы в пяти сотнях метров над поверхностью пустыни и вытащил оптический прибор. Разглядеть не удавалось вообще ничего. Дождь снизил видимость до нуля, и Варко никак не мог уберечь линзы от водяных брызг.

Уставший, он уселся наземь.

Снова загрохотал гром, потоки воды поливали и так уже вымокшего капитана.

А потом дождь прекратился.

Варко сел прямо. Дождь перестал, словно где-то в небе дыру заткнули пробкой. Верхняя муть, кружась, уходила. Низкие тучи медленно расползались в стороны. На западе Варко уловил проблески звезд.

Запах дождя и свежей грязи бил в ноздри. Капитан поднялся и снова вытащил оптику. Вытер линзы и сдвинул переключатель теплового режима.

Устье. Километров десять к западу, как сказал Ашлаг.

Варко посмотрел на запад: прибор зажужжал и защелкал.

— Ты что тут делаешь?

Он опустил прибор и развернулся. На скалу влезла девушка. Она пробралась за ним следом по мокрым и ненадежным склонам.

— Иди обратно, Келл, — велел он.

— Ты что тут делаешь? — повторила она.

— Не знаю. Пытаюсь найти Устье. Проклятый Троном прибор не желает работать в такой воде.

— Дай сюда, — она забрала прибор, настроила. — Вот так. Смотри на запад, по метке направления. Держи ровно, к глазу не прижимай.

— Я знаю, как им пользоваться, Келл, — сказал он, забирая прибор.

— О, ну конечно! — ухмыльнулась она.

Варко направил окуляр на запад. Келл настроила и сфокусировала прибор точно. Он разглядел башню, торчащую в Устье.

— О Трон! — выдохнул он, стараясь держать прибор ровно.

В десяти километрах от них на высоту в триста семьдесят метров в низкое небо, словно кинжал, вонзалась пульсирующая решетка уродливой металлической конструкции. Огни святого Эльма, переливающиеся на верхних секциях, словно неоновые капилляры, бросали отсветы на рыхлые раздутые облака.

Вышка выростала из пыли пустыни, собранная Архиврагом из металлических обломков, оставшихся от Менового Холма и других разоренных городков. Варко сообразил, что вышка творит что-то неладное с погодой. Это, должно быть, генератор щита — огромный генератор щита. Вышка проецировала обширное пустотное поле, которое скрыло значительную часть Западной проспекции от орбитального слежения, и его воздействие серьезно влияло на погодные условия.

«Что-то не так с небом, — говорил Кодер. — Словно что-то закрыло небо от нас, капитан».

Варко опустил прибор ниже и осмотрел пустыню у подножия чудовищной конструкции. Он что-то пробормотал в отчаянии.

— Вон, видишь? Вон они, — сказала Келл, наведя собственный прибор. — Все там.

— Машины, — прошептал Варко.

— Много, — согласилась она.

Их действительно было много — не только по простецким меркам Келл Ашлаг, но по любым меркам. По меньшей мере шестьдесят машин собрались у подножия вышки, ухая в угрожающее небо, словно стая диких зверей. Шестьдесят машин, скрытых от орбитального наблюдения покровом пустотного щита башни.

Это было второе воинство титанов Архиврага — второе воинство, о существовании которого в ульях даже не подозревали.

<http://tl.rulate.ru/book/30591/660704>